

В душе Рябого Вана наконец упал камень. Цзян Чжунсюэ прекратила возиться с вещами, подняла голову и, глядя на него, спросила:

— Ты врач?

Рябой Ван испуганно кивнул.

Но, справившись со страхом, он набрался духу и слабым голосом произнёс:

— Зачем вы ворвались в мой дом?

Звучало это совершенно безропотно.

Цинь Чаншэн, сидя на стуле, указала на свою рану:

— Я ранена, мне нужны лекарства. На двери у тебя красный крест — вот мы и зашли. Не хотели тебя будить, но, видно, спишь чутко. Прости, что напугали.

Цзян Чжунсюэ молчала рядом. Рябой Ван постепенно обретал уверенность и, глядя на бледное, обескровленное лицо Цинь Чаншэн, вдруг разозлился:

— Вон отсюда! Это мой дом! Явились без спроса — значит, воры! Хотели меня до смерти напугать? Ну-ка быстро убрались из моего дома! А не то я с вами не стану церемониться!

Цинь Чаншэн опешила, ничего не понимая. Рябой Ван гневно кричал:

— Среди ночи в дом ко мне лезете! Верите, схвачу и в участок отведу?! Воры!

Цзян Чжунсюэ нахмурилась.

Рябой Ван ещё не успел выплеснуть весь свой гнев. Сначала он обратил внимание только на говорившую Цинь Чаншэн, но теперь, увидев рядом Цзян Чжунсюэ, почему-то смутился.

Её лицо, прекрасное до головокружения, выражало ледяное безразличие. Рябой Ван намеренно избегал смотреть на неё, выбрав себе «мягкую» цель, и продолжал орать на Цинь Чаншэн.

— Плевать, жива ты или нет! Это мой дом! Вломились сюда, чуть сердце не остановилось! А ещё спрашиваешь, врач ли я? Будь я врачом — и то не стал бы тебя лечить! Вон! Вон! Сумасшедшая, веришь, ногу сломаю?! Быстро убирайтесь!

Цинь Чаншэн молчала. Рябого Вана душила ярость: вломились ночью в дом, до полусмерти напугали — какие бы ни были причины, обеим немедленно надо убираться отсюда!

Только закончив ругаться, он заметил, что Цинь Чаншэн оставалась безучастной, а стоявшая рядом девушка сделала шаг вперёд.

На том прекрасном, головокружительном лице появилось свирепое выражение.

Увидев эту свирепость, у Рябого Вана неожиданно похолодело внутри. Но всё-таки это была женщина, что она могла сделать? Не станет же она хныкать перед ним, умоляя спасти ту, что сидит на стуле?

И всё же, глядя на это лицо, он почему-то чувствовал необъяснимый страх.

Цзян Чжунсюэ подошла к нему вплотную, лицо искажено злобой. Рябого Вана охватила паника, но он всё же собрался с духом и рявкнул:

— Чего уставилась?! Верись, прибью!

Раздался звонкий шлепок. Рябой Ван почувствовал, как лицо онемело, в голове помутнело, и он, отступая, едва не грохнулся на пол — хорошо, позади оказался стол, на который он и рухнул.

Он долго не мог прийти в себя, голова гудела, в глазах плавали звёздочки. Облокотившись о стол, он в полуобморочном состоянии смотрел на Цзян Чжунсюэ.

Та стояла перед ним, брови грозно сдвинуты, словно город перед бурей, окутанный тяжёлыми тучами, но голос звучал ровно:

— Ты врач?

Рябой Ван наконец по-настоящему испугался. Прикрывая покрасневшую щёку, он затрясся и кивнул. Позади, со стула, к разговору наклонилась Цинь Чаншэн:

— Тогда уж постарайся, доктор.

Цзян Чжунсюэ по-прежнему холодно смотрела на Рябого Вана.

Тот, всё ещё в полубреду, встретившись с её взглядом, тут же обо всём забыл. В страхе он подскочил, подбежал к Цинь Чаншэн и затараторил:

— Ладно, ладно! Спасать людей — долг врача!

Выражение лица Цзян Чжунсюэ вернулось к обычному. Она подошла к Цинь Чаншэн, помогая снять верхнюю одежду, и пояснила:

— Один перелом. На бедре рана, остальные — ссадины, всё нужно обработать.

Рябой Ван взглянул на рану на ноге Цинь Чаншэн и снова закричал:

— Так это же серьёзно! Я не справлюсь! Её в город везти надо, на ампутацию!

Цзян Чжунсюэ нахмурилась, и он тут же, с плачущим лицом, пробормотал:

— Попробую! Попробую!

Цинь Чаншэн сняла спортивную куртку, Цзян Чжунсюэ стянула с неё футболку, обнажив для Рябого Вана травмированную руку и раны на теле.

Прекрасные изгибы девушки обнажились. Рябой Ван, хоть и боялся, не смог удержаться от взгляда. Цинь Чаншэн была в чёрном нижнем белье, кожа гладкая и белая — с первого взгляда видно, избалованная барышня из большого города.

Выслушав объяснения Цзян Чжунсюэ, Рябой Ван в одних трусах встал на цыпочки, чтобы достать лекарства из верхнего ящика. Дуновение холодного ветра заставило его почувствовать прохладу в паху, и он вдруг вспомнил, что на нём только ярко-красные семейные трусы. От неожиданности он покраснел, бросил всё и, юркнув за занавеску, помчался переодеваться в нормальные штаны.

Цзян Чжунсюэ тем временем нашла ножницы и стала разрезать джинсы Цинь Чаншэн вдоль ноги. Плоть и ткань слиплись, рана была рваной и выглядела пугающе.

Отдирая прилипший к ране кусок джинсовой ткани, Цзян Чжунсюэ услышала, как Цинь Чаншэн резко вдохнула, но та не издала ни звука.

Рябой Ван быстро переоделся и вышел из-за занавески помогать. Он взял несколько коробок с ватными палочками, йод и, подумав, прихватил ещё и большую упаковку ваты.

Цзян Чжунсюэ вправляла Цинь Чаншэн кость.

Рябой Ван не решался смотреть. Он был всего лишь деревенским лекарем, в руках у него — ватные палочки, вата и дезинфицирующий йод. Раньше, когда у сельчан случались простуда или жар, он просто выписывал им безрецептурные лекарства по списку. Но в действительно серьёзных случаях он был беспомощен — у него даже не было медицинской лицензии.

Вправлять кости — не его уровень. Со стороны кажется, что всё просто: взял, щёлк — и кость на месте. Но это лишь для непосвящённых. На самом деле нужно учитывать и сухожилия, и кости, и кровеносные сосуды — кто возьмётся просто так вправлять кости? Мало ли, останется человек калекой.

Не имея нужных навыков, он не смел браться за такую работу.

Пока он искал белые бинты, сзади раздался лёгкий щелчок.

Цзян Чжунсюэ наклонилась над Цинь Чаншэн, положив руку на её локтевой сустав. Цинь Чаншэн была в поту, лицо искажено болью, сквозь которую проступала смертельная бледность.

Цзян Чжунсюэ выпрямилась:

— Готово.

Цинь Чаншэн обливалась холодным потом и не могла вымолвить ни слова. Помолчав, Цзян Чжунсюэ добавила:

— Если больно, можно кричать.

Цинь Чаншэн посмотрела на неё — губы были прикушены до крови. Переведя дух, она проговорила:

— Спасибо.

Цзян Чжунсюэ никак не отреагировала.

Рябой Ван подошёл с подносом, на котором лежали бинты и ватные палочки. Цзян Чжунсюэ встала рядом с Цинь Чаншэн, наблюдая, как он промывает раны.

Разглядывая многочисленные царапины от веток на теле Цинь Чаншэн, Рябой Ван тихо пробормотал:

— Эх, жалко...

Он взял йод и начал обрабатывать раны ватными палочками. На бедре Цинь Чаншэн кровь уже остановилась — возможно, из-за слизи того чудовища, — боль почти не чувствовалась, только

сильное онемение.

Одного пузырька йода быстро не хватило, и Рябой Ван взял новый. Цинь Чаншэн, с каплями пота на лбу, сказала ему:

— Простите. Мы заплатим.

Рябой Ван поднял голову, и Цинь Чаншэн виновато улыбнулась. Он, сам не зная почему, почувствовал к девушке жалость и пробормотал:

— Не надо, не надо... А то твоя подруга меня приберёт!

Цинь Чаншэн незаметно взглянула на Цзян Чжунсюэ:

— Она не специально. Просто забеспокоилась.

Рябой Ван продолжал обрабатывать рану. Тёмно-фиолетовый раствор смешивался с кровью и стекал по её ноге. После многократного промывания рана наконец приобрела нормальный вид.

Обрабатывая рану, он заодно промыл её ногу солёной водой:

— Это самодельный физраствор, примерно нужной концентрации. На ноге ещё много мелких ранок, сразу всё не отчистить, но промыть солёной водой — полезно.

Цинь Чаншэн с благодарностью улыбнулась ему и кивнула:

— Спасибо.

<http://bllate.org/book/16269/1464253>